

А.И. ЗВЕРЕВ | **Театральная лексика в политическом**
Москва | **тексте**

Ориентируясь на тексты СМИ, посвященные описанию политической ситуации в современной России, автор приводит общую классификацию видов театральной лексики, объясняет роль, которую играет каждый вид из указанной группы лексики в политических текстах СМИ, а также приводит примеры употребления конкретных лексем.

Ключевые слова: *политическая публицистика; политический текст; театральная лексика; театральная фразеология; метафора; публицистический стиль.*

Политическая публицистика является достаточно интересным в языковом плане явлением, поскольку, с одной стороны, в ней может использоваться все богатство русского литературного языка, а с другой – она должна активно осваивать политическую и экономическую терминологию, что характерно скорее для официально-делового стиля, а не для публицистического. «Основной конструктивный принцип, который организует языковые средства в газетно-публицистических текстах: это принцип чередования, сочетания экспрессии и стандарта» [Крылова 2006: 265].

Как известно, стилеобразующими чертами публицистического стиля являются: четкая ориентированность семантики слова, информативная точность и вместе с тем образность и броскость слова, использование слов с коннотативной семантикой, отсутствие стилевой замкнутости, определенная штампованность и пр. [Лекант и др. 2002: 58].

Остановимся на такой характеристике публицистического стиля, как «образность и броскость слова», под которой подразумевают использование в публицистике разных средств выразительности (метафор, олицетворений, эпитетов, сравнений, фразеологизмов и пр.). Необходимость в обращении авторов политической публицистики к образным средствам языка продиктована функциями, которые тексты СМИ выполняют в обществе, а именно: информационной (передача новой информации) и воздействующей

щей (убеждение читателя). В политических текстах убеждение строится на эмоциональном воздействии в отличие, например, от научных текстов, где убеждение апеллирует к научным фактам, логическим выводам, результатам научных экспериментов. Воздействие политика или журналиста, оказываемое через политический текст на аудиторию, может носить как положительный, так и отрицательный характер, «т.е., с одной стороны, целью может быть возбуждение положительного отношения к описываемому сюжету, стремление вызвать положительные эмоции у слушателей или читателей по этому поводу, а с другой, может быть отрицательная направленность речи, когда автор не скрывает своего негодования, презрения, даже ненависти к кому-либо или чему-либо и стремится вызвать такое же отношение читателей/слушателей к сообщаемому» [Крылова 2006: 171].

Политические тексты разных жанров, посвященные различным политическим вопросам, безусловно, трудно сравнивать с художественным произведением, но и отказывать им в образности не следует. Рассмотрим отдельные примеры театральной и цирковой лексики в таких словосочетаниях или контекстах, как: *политическая сцена, играть роль клоуна, жонглировать фактами, срывать маску* и т.д. Употребление подобной лексики в политической публицистике носит метафорический характер и помогает автору создавать новый, емкий образ, основанный на ярких и неожиданных ассоциациях. Ср.:

Национализм ослабил позиции. – Национализм застопорился. – Национализм застыл как околдованная флейтой факира змея.

*Зверев Антон Игоревич, аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.
E-mail: zverevanton@mail.ru*

Можно сделать вывод, что первое предложение является нейтральным, а поэтому не подходит для публицистического стиля. Второе и третье предложения содержат особую лексику: во втором случае – термин *застопорить*, который используется в нетипичном для него контексте, а в третьем – целый образ: факир, гипнотизирующий змею игрой на флейте. Очевидно, что третий пример привлекает больше внимания, поскольку содержит необычное метафорическое сравнение. Напомним в этой связи наставление Аристотеля: «Метафоры следует заимствовать от слов прекрасных по звуку, или по значению, или (закрывающих в себе нечто приятное) для зрения или для какого-либо другого чувства» [Аристотель 2013: 273].

Каковы причины популярности сравнений политической и театральной сферы?

Одной из главных причин, позволяющих говорить о политике «языком» театра, является идентичность ключевых компонентов этих сфер, а именно: определенное сходство между актерами и политиками, ролями и публичным имиджем, спектаклем и политическими событиями, зрителями и аудиторией, сценарием и повесткой дня какого-либо заседания. Особо подчеркнем сходство между зрителями театрального спектакля и аудиторией политического действия, поскольку именно этот фактор, по мнению ряда исследователей политического языка (см.: [Шейгал 2004: 62–63; Чудинов 2008: 187–189; Паршина 2004: 12–13] и др.), является ключом к сопоставлению феноменов театра и политики, а следовательно, и к смешению лексики сравниваемых феноменов.

На возможность сопоставления политической сферы и театра влияет не только наличие схожего «адресата», сходства ключевых понятий (актер – политик, зрители – аудитория), но и выступления целого ряда политических деятелей, вполне уместные и на театральной сцене в виде комедии или фарса, а также в виде античной трагедии. Кроме того, общим фундаментом для театрального искусства и политической деятельности является

ритуальность, которая в первом случае проявляется в виде традиционных постановок и классических пьес (а также стереотипных мизансцен в рамках этих постановок и пьес), а во втором случае – как в виде стереотипных политических актов, так и в виде ритуальных публичных выступлений (ср., например, речи при инаугурации, поздравления с национальными праздниками и пр.). Важно отметить, что сравнение театрального искусства и политической сферы носит преимущественно односторонний характер (т.е. политика сравнивается с театром, но не наоборот), при этом политика, сопоставляемая с театром, перестает быть нейтральным полем деятельности с точки зрения стилистики.

Обосновав причины, позволяющие говорить о политике языком театра, обратимся к конкретным примерам театральной лексики, наиболее частотным в политической публицистике.

1. Театральные термины и профессионализмы. Эта группа состоит из небольшого числа примеров, поскольку простые термины (например, *рампа, софиты, галлерка, подмости, ангажемент, кулисы, суфлер, занавес, фойе, антракт* и пр.) давно вышли за рамки театральной сферы и употребляются как в публицистике, так и в бытовой речи, имея статус общеупотребительных. Основное назначение театральных терминов в политическом дискурсе состоит в возможности вторичного (метафорического) обозначения каких-либо явлений или предметов. Так, например, политика самоизоляции СССР, заключающаяся в полной информационной, политической и пограничной закрытости страны, получила метафорическое название *железный занавес*. Выражение это является точным, лаконичным и ярким обозначением, что важно для текстов СМИ, которые стремятся не только передать информацию, предварительно отобрав ее для «своего» адресата, но и заинтересовать читателя, оказать воздействие. В политических текстах театральные термины потеряли свою специфику, которая заключается в том, что термин обладает строго определенным значением

в своей отрасли. В политической публицистике в качестве синонимов используются различные термины, такие как: *комедия, фарс, водевиль, оперетта, реприза*, при этом в театральной сфере эти жанры четко разграничены. Так, *реприза* – это юмористическая сценка на эстраде или в цирке, а *оперетта* – театральное произведение, в котором чередуются музыкальные номера с речевыми диалогами. В политической публицистике любое выступление политика, которое не внушает доверия аудитории, может сравниваться с опереттой, репризой или любым другим театральным жанром, т.е. в тексте СМИ происходит упрощение толкования терминов и смешение их значений.

Основная эмоция, которую передает автор политического текста при употреблении театральных терминов, – это насмешка, сатира. Он оценивает политические события как «ненастоящие», «постановочные», уместные в театре, а не в реальной жизни. Так, например, сарказм отчетливо виден в следующих словосочетаниях, часто используемых в политической публицистике:

драматизм ситуации, волна драматизма, драматизм событий, повод для драматизма; ломать комедию, назвать комедией, играть комедию, завершилось комедией; трагизм ситуации, трагизм последствий, повторение трагедии.

В перечисленных примерах курсивом выделены театральные термины (*комедия, драма, трагедия*), которые больше не осознаются как исключительно театральные, а скорее стали общеупотребительными. Подобная тенденция перехода средства экспрессии в стандартные формулировки (клише) является характерной особенностью политической публицистики. О.А. Крылова, объясняя назначение экспрессивных средств русского языка в публицистике, отмечает, что «они (экспрессивные средства языка) призваны участвовать в создании схемы: стандарт – экспрессия – стандарт» [Крылова 2006: 172].

2. Театральные фразеологизмы. Эта группа включает в свой состав такие устойчивые словосочетания, как:

срывать маску, носить маску, открыть занавес, трубить во все трубы, танцевать под чью-либо дудку, дергать за веревочки, вить веревки, исполнять на бис, играть на публику, артист погорелого театра, тянуть волюнку, быть в своем репертуаре, строить фигли-мигли.

С точки зрения стилистики все фразеологические обороты можно разделить на две большие группы: фразеологизмы с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, что обуславливается использованием в их составе выразительных языковых средств, и фразеологические обороты, лишенные эмоционально-экспрессивной окраски, которые употребляются исключительно в номинативной функции (*железная дорога, взрывное устройство* и т.д.). Театральные фразеологизмы следует относить к первой группе, поскольку в их состав входят яркие театральные метафоры, созданные на основе переосмысления лексики театра.

Фразеологизмы, относящиеся к сфере театра, используются в политическом дискурсе для вторичного (метафорического) обозначения явлений. В качестве фразеологической единицы может выступать не только фразеологический оборот, но и пословицы, поговорки и крылатые слова; поэтому употребление в политической публицистике расхожих фраз, первоначально связанных только с театральным действием, вроде *хлеба и зрелищ, не верю*, вполне уместно.

Порой в политическом тексте может содержаться одновременно несколько элементов театральной лексики, что делает его, с одной стороны, достаточно сложным для понимания, поскольку требует от читателя обширных гуманитарных знаний, а с другой стороны, более выразительным. Кроме того, политический текст может содержать квазичитаты, аллюзии и намеки. Рассмотрим конкретный пример. В качестве иллюстрации данного положения мы используем статью Ю. Богомолова «Политночлежка в пределах Садового кольца», которая была опубликована на сайте газеты «Известия» 5 марта 2004 г. Приведем небольшой фрагмент:

Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит

в глаза, принялась обличать и требовать долива после отстоя пены. Теперь она – лицо русской демократии и, как бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов, просит подаяния. Нетрудно заметить, что всякий раз у нас президентская гонка напоминает если не басенный, так литературно-сценический сюжет. В 1996-м выборы проходили почти по сценарию «Карьеры Артуро Уи». Финал был не тот, что в пьесе. Старый президент Генсборо все-таки выбрался из глубокой ямы... .

В данном отрывке легко увидеть цитаты, состав которых был изменен. Как известно, «обновление состава фразеологизмов усиливает их экспрессивную окраску, но может и не влиять на их значение» [Голуб 2006: 123]. Под «обновлением» следует понимать расширение состава фразеологического оборота (*Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала*), сокращение состава фразеологического оборота (*Требовать долива (пива) после отстоя пены*) или частичную замену одного из компонентов оборота (*Лицо русской национальности*). Частичная замена компонентов устойчивого фразеологического сочетания иначе называется «квазичитированием». Так, выражение *лицо русской демократии* образовано смешением фраз *лицо русской национальности* и *отец русской демократии*, которые были намеренно смешаны автором статьи для создания сатирического эффекта.

Наиболее часто цитируемые фразеологические обороты, включающие театральную лексику, не являются стилистически нейтральными, поскольку в их состав входит яркая метафорика. Ввиду их устойчивости, т.е. регулярной воспроизводимости в политических статьях, такие обороты, как *носить маску*, *скрывать за маской*, *срывать маску*, *менять маски*, *строить хорошую мину при плохой игре* становятся все менее образными и экспрессивными, поскольку их начинают использовать в качестве расхожего клише, позволяющего быстро и точно передать двойственность какой-либо ситуации: одна сторона – это маска, вторая сторона – это то, что маска скрывает. Таким образом, театральная фразеология также воспроизводит характерную фор-

мулу политической публицистики: стандарт – экспрессия – стандарт.

3. Театральные метафоры. Наиболее часто в политической публицистике метафорически используются такие слова, относящиеся к сфере театра:

авансцена, арена, балаган, бутафория, бутафорский, бутафорный, вакханалия, декорация, жонглерство, жонглирование, жонглировать, закулисный, инсценировать, лейтмотив, манипулятор, марионетка, марионеточный, маска, маскировать, маскировка, раскрутиться, репетиция, солировать, статист, театр, театральность, театральный, трюк, фокус, шоу, эквилибристика.

Данный перечень составлен нами на основе словаря Е.Ю. Ваулиной и Е.В. Штельмахин «Давайте говорить правильно! Метафора в современной публицистике: Краткий словарь-справочник» (СПб., 2007).

Большинство из перечисленных метафор являются «стертыми», поскольку достаточно часто употребляются в политических текстах, вследствие чего все меньше осознаются в качестве средства выразительности. Следует обратить внимание на тот факт, что не все названные примеры можно безоговорочно отнести к театральной сфере. Так, например, *солировать*, *жонглерство*, *эквилибристика* не относятся к театральной сфере, а скорее являются важными компонентами цирка, музыки и иных видов сценического искусства. Данные примеры мы отнесли в группу театральных метафор на том основании, что театр, цирк, танец и музыка являются смежными видами искусства, а зачастую могут сливаться в единое целое, образуя новый жанр драматического искусства (например, мюзикл). Представляется важным подчеркнуть ту идею, что цирк, музыка и танец имеют много общих черт с театром, именно поэтому в политическом тексте используют метафоры всех перечисленных сфер также в качестве выразителя иронии, сарказма и насмешки.

Обратившись к специальному словарю, фиксирующему образцы наиболее актуальной и употребительной политической лексики и фразеологии, можно сделать

вывод о том, что театральная лексика давно вошла в плоть и кровь политической публицистики. Так, в «Кратком словаре политического языка» В.В. Бакеркиной и Л.Л. Шестаковой можно обнаружить такие примеры театральных метафор: *авансцена, акт* (действие), *арена, железный занавес, жонглировать, игра* (притворство), *играть, интрига, кулуары, марионетка, марионеточный, памфлет*. Конечно, количество подобранных нами примеров невелико. Похожие количественные данные можно привести и по словарю Е.Ю. Ваулиной и Е.В. Штельмахин, в котором мы нашли 31 театральную метафору из 574 метафор, представленных в словаре.

В этой связи упомянем важную работу А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова «Русская политическая метафора: материалы к словарю» (М., 1991), где отмечается частотность театральных метафор в России эпохи перестройки, а именно 227 примеров из 9525 перечисленных в словаре, что составляет примерно 2,4%.

Из приведенных статистических данных можно сделать вывод о том, что театральные метафоры в политических текстах занимают достаточно важное, но не лидирующее место.

Объяснений довольно низким показателям может быть дано несколько, но мы укажем основную, по нашему мнению, причину. Мы не раз отмечали, что театральная лексика в политической публицистике передает насмешку, иронию и сарказм. Следует задать себе вопрос: зачем в политической публицистике нужны данные эмоции? Ответ кажется очевидным: во-первых, насмешке подвергается все то, что выходит за рамки стандарта и общепринятых норм. Вероятно, именно поэтому различные публичные выступления политиков метафорически могут называться *комедией, фарсом, опереттой, балаганом, шоу* и т.п. Эти выступления не вписываются в представления журналиста или другого политика, т.е. происходит разрушение ожиданий, поэтому все, что не вписывается в норму, подвергается насмешке. Во-вторых, смех – это оружие против неизвестности и страха. Так, в кол-

лективном труде «Смех в Древней Руси» отмечается, что «смех – не только шит гордыни, против преувеличения своих заслуг перед богом, но и против всякого страха» [Лихачев и др. 1984: 60].

Обратим внимание на то, что в некоторые исторические периоды число и употребительность театральных метафор в политической сфере способны значительно увеличиваться при резких изменениях в политической обстановке. В другие периоды политические тексты реже используют театральную лексику, если в это время отсутствует элемент «неизвестности» и «боязни будущего». Поэтому в современных текстах СМИ театральная лексика употребляется для насмешки над политиком, партией или политически значимым поступком, который выбивается из общего ряда, нарушает ожидания аудитории.

В политической публицистике большое значение имеет воспринимающая аудитория.

«Анализ контекстов употребления театральной метафоры (не считая клише типа *политическая арена, политическая сцена* и пр.) показал, что она, как правило, сопровождается уничижительной коннотацией иронии или сарказма и содержит импликацию “ненастоящности” происходящего, отстраненности от него говорящего» [Шейгал 2004: 65]. Театральная лексика может использоваться не просто как выразитель сарказма и иронии, но и в качестве пейоративного образа, например сравнение предвыборных дебатов с *фрик-шоу* или *шоу-уродов*.

Театральная лексика способна выражать и полярные эмоции, например «не только лживость и несерьезность, но также благородство и величие» (цит. по: [Солопова 2006: 108]). Намеренное обращение к театральной лексике может использоваться политиком при формировании и поддержании собственного публичного имиджа.

В заключение нашей работы подведем краткие итоги нашего исследования.

1. Театральная лексика является достаточно значимым компонентом политических текстов.

2. Употребление различных единиц театральной лексики значительно насыщает текст политической статьи эмоциями и оценками.

3. Основные эмоции, передаваемые через театральную лексику, – это ирония, сарказм и насмешка. Кроме того, театральная лексика может передавать и положительные эмоции.

4. Любой пример театральной лексики направлен на привлечение внимания, усиление экспрессивного воздействия текста, но в то же время театральная лексика, постоянно воспроизводимая в политической публицистике, теряет экспрессию, становясь стандартным, клишированным выражением.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб., 2013.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2006.

Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: В 2 кн. Кн. 1: Теория. – М., 2006.

Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык. – М., 2002.

Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М., 2009.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Ленинград, 1984.

Солопова О.А. Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18

Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. – М., 2012.

Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. – М., 2013.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2008.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

(Окончание текста со с. 18.)

Русакова М.В. Звучащая речь и письмо // Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. – М., 2013.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж, 2012.

Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.